

Поздним вечером на вокзале было относительно тихо — не сравнить с дневной суматохой. Лишь у главного входа тускло горели фонари, выхватывая из темноты фигуры редких торговцев с коромыслами да запоздалых пассажиров. Чуть поодаль стояли два или три милицейских мотоцикла. Ли Кай сощурился, провожая их взглядом, но тут же отвернулся.

Ван Сюань расплатился с извозчиком, и они непринужденно зашагали к дверям. Они старались не смотреть ни на дежурного в форменной фуражке, ни на тех, кто притаился в тени, провожая каждого прохожего цепким, оценивающим взглядом.

В такие минуты действительно хотелось мысленно поблагодарить судьбу за то, что в этот раз они путешествовали налегке. Да и оправдание на случай проверки у них имелось железное: обычные студенты, возвращаются на учебу после праздников. Возраст, одежда, манеры — всё идеально подходило под эту легенду.

Парни надеялись, что ночной рейс будет посвободнее, но стоило поезду подойти к платформе, как толпа хлынула на посадку. За хорошие места пришлось побороться. Многие везли с собой огромные узлы и тюки. В вагоне то и дело вспыхивали перебранки: пассажиры костерили досмотрщиков, которые при обыске перерыли все вещи и чуть не вытрясли из карманов честно заработанные деньги. Кто-то громко сокрушался, что в суматохе лишился части поклажи — прибрали к рукам шустрые воришки.

На внутренних маршрутах всё еще свирепствовал жесткий контроль. Провозить товары из Южных регионов вглубь страны без разрешения запрещалось, и попасться на этом было проще простого. Тут уж либо выручали нужные знакомства, либо приходилось откупаться, всучив проверяющим круглую сумму.

Спустя двое суток их щегольские новые наряды насквозь пропахли дешевыми соленьями. Молодая кровь бурлила, а в душном, раскаленном железном вагоне посреди летнего зноя пот лил с них ручьями. Воздух в вагоне превратился в плотную взвесь из запахов еды, дешевого табака и пота. Впрочем, за время поездок парни ко всему этому привыкли. Ван Сюань устроился как мог: подогнул ноги на сиденье, а голову пристроил на коленях Ли Кая.

Он лениво щелкал семечки, прищулив глаза. Обветренные губы покрылись сухой корочкой. Рядом надрывно плакал измученный жарой ребенок, и этот бесконечный плач уже начинал действовать всем на нервы. Ван Сюань чувствовал, что если не займет себя чем-нибудь, то просто взорвется.

Ли Кай не мешал ему, хоть и видел, как тот изредка косится на орущего малыша. Колени, на которых покоилась голова Ван Сюаня, давно взмокли от пота, но парня это не смущало. Ван Сюань не обращал внимания на чужие запахи, а у Ли Кая было крепкое здоровье — он мог вытерпеть и не такое.

Ли Кай листал какую-то книгу, которую учитель рекомендовал прочесть во внеурочное время. Ван Сюаню читать самому не хотелось, и он вполголоса просил Ли Кая читать ему вслух. Ли Кай, видя редкую лень своего спутника, охотно потакал этой прихоти. Время от времени Ван

Сюань доставал из сумки кислые сливы или купленные на станции фрукты, небрежно обтирал их об одежду и с хрустом вонзал зубы в сочную мякоть.

— Молодой человек, это твой младший брат? — поинтересовался пассажир, сидевший напротив.

Ли Кай улыбнулся и кивнул.

— Дружные вы ребята, сразу видно.

Мужчина покосился на Ван Сюаня, который, доев фрукт, лениво протянул огрызок Ли Каю, чтобы тот бросил его в мусорный пакет. На лице попутчика отразилось неодобрение: мол, совсем разбаловали парня дома, даже подняться не может, чтобы выбросить мусор.

Ван Сюань почувствовал на себе косые взгляды попутчиков. Он приподнял голову, окинул вагон равнодушным взглядом и, повернувшись на другой бок, продолжил жевать. Достать свежие продукты в поезде было большой удачей. В такую духоту любая влажная пища портилась мгновенно. Вокруг сидели утомленные, мучимые жаждой люди, вынужденные терпеть бесконечную дорогу. Вид развалившегося сытого юноши, который ни в чем себе не отказал, вызывал у них глухое раздражение.

Ли Кай, конечно, понимал, о чем думают окружающие, но ему было все равно. Он дружески похлопал Ван Сюаня по плечу:

— Хватит уже семечки щелкать. Посмотри на свои губы — совсем высохли. Пить не хочешь?

— Хочу. Передай бутылку.

Речь шла об обычной стеклянной бутылке из-под лимонада, которую они когда-то купили за пару монет. Когда газировка закончилась, они приспособили ее под воду. На станциях они сразу бежали к титану с кипятком и наполняли бутылку до краев. Хотя она и была небольшой, зато плотная жестяная крышка завинчивалась намертво, и можно было не бояться пролить воду. Это было куда удобнее громоздких эмалированных кружек, которые другие пассажиры использовали и для чая, и для лапши.

У многих торговцев, ехавших за товаром, не было с собой даже таких кружек. Обвешанные тюками, они сидели в постоянном напряжении, боясь упустить добро, а их губы потрескались до крови. На их фоне Ван Сюань со своим комфортом выглядел настоящим сибаритом.

Ван Сюань закрыл глаза и вскоре заснул. На людях он старался держаться невозмутимо, но в глубине души до смерти перепугался, когда они впервые столкнулись с дорожными грабителями и едва не ввязались в разборки с местной бандой. Лишь благодаря поразительному спокойствию Ли Кая всё обошлось. Ван Сюань смог по-настоящему

расслабиться только тогда, когда поезд тронулся и со стуком покатился прочь. Теперь все тело налилось свинцовой усталостью, и он сладко спал на коленях названного брата.

Когда они наконец добрались до уездного города, занятия в школе шли уже два дня — их поезд безнадежно опоздал. Явившись к классному руководителю объясняться за прогулы, парни выслушали такую головомойку, что уши горели. Но учитель, заметив их изнеможение, в конце концов сжалился и отпустил.

Перед уходом Ли Кай и Ван Сюань умудрились попросить еще два дня отгула. Учитель едва не задохнулся от ярости. Он топал ногами, кричал, что за такую наглость вызовет родителей, но парни, прикинувшись глухими, поспешили ретироваться. Первым делом они сытно пообедали в местной забегаловке, затем отправились в общественную баню, смыли дорожную грязь и проспали без задних ног целые сутки.

Проснувшись, Ли Кай почувствовал во рту неприятную горечь — сказывалось обезвоживание и дорожный зной.

Пока он не торопясь пил охлаждающий травяной отвар, в комнату вихрем ворвался запыхавшийся Цичжи. Увидев, что с парнями все в порядке, он облегченно перевел дух.

— Вас так долго не было, а связаться никак! Я места себе не находил, думал, случилось чего в такой дали. Ваш классный приходил в общежитие, расспрашивал. Хорошо, мы из одной деревни, так я соврал, что у вас дома какие-то срочные дела. Но кто-то донес ему, будто вы вообще уехали в Южные регионы. Учитель был вне себя от гнева. Тебе нужно хорошенько все ему объяснить, Ли Кай. Если он решит, что вы злостно нарушаете дисциплину...

— Мы уже со всем разобрались, — спокойно прервал его Ли Кай.

Сплетни их мало волновали. Их класс считался образцовым, на этих учеников руководство школы возлагало огромные надежды, оттого и контроль был соответствующий. Зато теперь за пропущенные дни никто не станет их преследовать.

— Ох, ну и осунулись же вы, — Цичжи покачал головой. — Что, в Южных регионах действительно так тяжело?

Ли Кай промолчал, а Ван Сюань с усмешкой бросил:

— Вот съездишь туда как-нибудь сам — тогда и узнаешь.

Одно дело — простое путешествие ради удовольствия, и совсем другое — их опасные торговые вылазки.

Жизнь в школе потекла своим чередом. В этот раз парни привезли гораздо больше товаров, да

и ценность их была на порядок выше прошлой партии. Теперь они не спешили с распродажей, выжидая наиболее выгодного момента, чтобы выручить максимальную прибыль.

Осень стремительно сдавала позиции, наступали холода. Студенты и школьники кутались в теплую одежду. Конечно, это касалось Ли Кая и Ван Сюаня, у которых благодаря заработкам не было недостатка в вещах. Большинство же окружающих круглый год носили два-три заношенных комплекта. Хмурыми осенними утрами одни дрожали от холода в легких летних рубашках, другие — вытаскивали старые, свалявшиеся ватные куртки, которые обычно берегли на самую лютую зиму.

Но даже суровая реальность не могла унять юношеский пыл. Внезапно школу захлестнула новая мода — все поголовно увлеклись поэзией. Причем не классическими четверостишиями, а свободными, изящными стихами нового времени.

Студенты от руки переписывали популярные стихотворения и заучивали их наизусть. Ли Кай то и дело замечал, как одноклассники собираются группами, делятся записями и жарко спорят о высоком. Школьный двор в одночасье превратился в прибежище утонченных романтиков. Говорили, что это веяние пришло из столичных университетов, да и в газетах то и дело печатали произведения молодых талантов. Парни частенько наблюдали забавную картину: какой-нибудь юноша с тетрадкой в руках принимал картинную позу, устремлял восторженный взор вдаль и с придыханием, едва не плача от избытка чувств, декламировал стихи.

Слушатели вокруг замирали, проникались моментом и тоже утирали слезы, взрываясь бурными аплодисментами. Поговаривали даже об организации школьного поэтического конкурса.

Преподаватели всячески поощряли это увлечение. Учитель литературы приносил на уроки свежие газеты и зачитывал лучшие стихи перед классом. Многие ребята завели специальные блокноты. Туда переписывали не только знаменитых авторов — если кто-то из учеников сочинял что-то сносное, его тетрадь мгновенно шла по рукам. Для юного автора это было моментом триумфа.

Еще одним поветрием стало использование звучных псевдонимов. Молодые люди отказывались от приземленных имен, подписывая свои творения изысканными именами вроде «Увядающий Лист», «Одинокий Бамбук» или «Отшельник Горного Ручья».

Если псевдонимы оказывались похожими, их без конца меняли, подстраивая под изменчивое настроение или стремясь казаться еще оригинальнее.

— Они уже и про фамилии свои забыли, — покачал головой Ли Кай, наблюдая за тем, как одноклассники представляются друг другу вымышленными именами.

Конечно, сверстники пытались вовлечь в эту игру и Ли Кая с Ван Сюанем. Все-таки они были одного возраста, а молодежи свойственно тянуться к новому и модному.

Однако на вопрос о псевдониме Ли Кай ответил совершенно серьезно:

— Зачем мне выдумывать? Мое прозвище и так все знают.

Ребята недоуменно переглянулись:

— Какое еще прозвище?

— Ну как же, — невозмутимо пояснил Ли Кай. — По паспорту я Ли Кай, а зовут меня все просто — Гоудань.

— А я Ван Сюань, — подхватил его спутник. — Друзья зовут меня А-Сюань или Сяо Сюань.

Одноклассники застыли в немом недоумении.

«Они что, издеваются над нами?»

Ли Кай лишь презрительно фыркнул. Придумали тоже — «изящные имена». В древности такие прозвища давали великим мужам за их выдающиеся заслуги и таланты, и давали их другие люди, а не они сами себе присваивали. Напридумывали глупостей от недостатка ума.

После этого случая сверстники стали смотреть на них как на неотесанных сухарей, лишенных чувства прекрасного. «Отсталые элементы», «чуждые духу новой эпохи» — такие ярлыки быстро приклеились к прагматичным парням.

Конечно, далеко не все новоявленные поэты действительно понимали толк в изящной словесности. Большинство просто прикрывалось модой, чтобы казаться значительнее. Если общество требует быть романтиком, глупо оставаться в стороне — нужно соответствовать.

Какая разница, что ты ходишь в обносках и вечно недоедаешь? Зато у тебя есть поэзия — пища для ума и души. Стоило коснуться прекрасного, как лохмотья будто становились чище, а бедность превращалась в благородный знак истинного творца.

Духовное богатство жителей глубинки находило свое отражение в их внешнем облике. Говорили ведь древние: «В ком сокрыты знания, у того и лик сияет».

Но одно дело — искренние чувства, и совсем другое — дешевое позерство. Все эти ребята были еще слишком молоды, выросли под крылом любящих семей, а главными трудностями в их жизни были отсутствие новой одежды да простая еда. Они не знали настоящих горестей, так откуда же взяться искренней поэтической тоске?

— «В юности я не знал вкуса печали, но любил подниматься на высокие башни. Поднимался на высокие башни, чтобы сочинить новый стих и вымучить грусть. А теперь, когда испил чашу печали до дна, хочу сказать, да смолкаю. Хочу сказать, да смолкаю, и лишь роняю: „Какая прохладная осень!“»

— Что ты там бормочешь? — Ли Кай отвлекся от своих подсчетов. Во время самостоятельной работы он пытался свести дебет с кредитом в своей тетради, но тихий голос Ван Сюаня постоянно сбивал его с мысли.

Ван Сюань кивком указал на одноклассников, которые, наморщив лбы, отчаянно пытались вымучить любовные вирши для своих избранниц. Школьные правила строго-настрого запрещали любые романы, но когда тебе от семнадцати до двадцати трех лет, гормоны берут свое. Прежде скрытые чувства теперь находили выход в поэтической переписке, и невинный обмен стихами быстро перерастал в нечто большее.

Ли Кай окинул класс внимательным взглядом. Кто-то строчил с упорством безумца, кто-то перешептывался на задних партах, а под столами вовсю летали записки.

— Это ты сейчас стих прочитал? Сам сочинил? Ну да, осень нынче и правда холодная...

Ван Сюань обреченно вздохнул, уставившись в потолок.

— Гоудань-ге, ну нельзя же быть настолько приземленным! Ты читаешь стихи только тогда, когда нужно готовиться к экзаменам. Всё, что не входит в программу, для тебя будто не существует.

Настоящий практик до мозга костей.

— Это стихотворение великого Синь Цицзи, написанное им в изгнании, — Ван Сюань легонько щелкнул Ли Кая по лбу, отвлекая от амбарной книги. — Мне показалось, что его строки идеально описывают то, что творится сейчас в нашем классе. Понимаешь?

— Понимаю-понимаю. Ладно, пиши дальше.

Поэзия оказалась отличным подспорьем в амурных делах. Зачем тратить на дорогие подарки или цветы, которых все равно не достать, если можно растопить девичье сердце красивой рифмой?

Однако стоило ударить первым настоящим морозам, так что изо рта при разговоре стал вырываться густой пар, как уличные поэты мгновенно испарились. Искусство искусством, а мороз не тетка.

Вместо этого появилась новая мода: стихи теперь переписывали на красивую, пахнущую

духами бумагу. Стоило открыть такой конверт, как по классу разливался тонкий аромат.

А однажды утром Ван Сюань обнаружил в своем выдвижном ящике аккуратный розовый конверт, от которого исходил нежный, сладковатый запах цветов.

<http://bllate.org/book/19654/1996773>